

РИМА ЦИЦЕНЕНЕ

Библиотека им. Врублевских Литовской академии наук

Рукописная книга и ее рецепция в Великом княжестве Литовском XIV–середины XVI вв.

Цель статьи — проанализировать эволюцию представления о рукописной книге и ее рецепции обществом ВКЛ. Для этого требуется установить, каким образом в обществе проявлялась рецепция книги и как это отражено в источниках того времени. Материалом исследования послужили рукописные кодексы, архивные документы и объекты искусства. Установлено, что книга удовлетворяла служебные, общественные и личные потребности членов общества того времени. С увеличением числа экземпляров и собраний, с повышением разнообразия взаимоотношений человека с книгой в обществе ВКЛ изменялось и само представление о книге. Если на раннем этапе кодекс воспринимался как статичный, сакральный, целостный объект, мало подверженный человеческому влиянию, то уже с XV в. можно говорить о книге как о мобильном, меняющемся объекте, крайне зависимом от связанного с ним человека. Книги мигрировали в географическом и жизненном пространстве.

В начале XVI в. изменилось восприятие целостности книги. Понятие о кодексе как о единице, физически объединяющей отдельные произведения (книги), сменило понятие кодекса как единого целого (нового произведения), имеющего общие внутренние и внешние признаки.

Ключевые слова: рукописная книга, средневековые кодексы, книжная культура, книга и средневековое общество, Великое княжество Литовское.

Исследование рецепции рукописной книжной культуры как явления позволяет уточнить наши знания об условиях развития письменности, выявить новые или еще не вполне изученные факты и тенденции в истории культуры Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ), а также по-новому интерпретировать уже известные данные. Рецепция и распространение книги оказывали влияние на социальное, культурное и интеллектуальное развитие общества, формировали новые социальные привычки. Как объект духовной и материальной культуры книги вопло-

щают в себе потребности общества и тем самым свидетельствуют о его развитии. Поэтому важно изучить не только участие общества в процессе усвоения, восприятия, то есть рецепции этого явления, но и сам процесс распространения книги в обществе. Хотя истоки историографии рукописной книги ВКЛ восходят к началу XIX в., ее общественному функционированию до сих пор уделялось недостаточное внимание.

В некоторых исследованиях раскрывалось влияние отдельных грамотных людей на распространение в ВКЛ списков различных сочинений [Темчин 2006; 2009; 2010a; Чистякова 2010; и др.], составлялись перечни мастеров книги — переписчиков, переплетчиков и иллюминаторов [Pacevičius 2002; Карский 1979; Гальченко 2003; Запаско 2003; Столярова 2000], реконструировались отдельные книжные собрания [Gudmantas 2003; Темчин 2010b; Морозова, Темчин 2005; Морозова 2006; и др.], проводились текстологические исследования отдельных рукописных книг [Чистякова 2008a; 2008b; 2009]. Уделено внимание восточнославянской литературе ВКЛ как модели культурной интеграции [Temčinas 2009] и руськомовной книжности как проявлению религиозной идентичности [Temčinas 2008; 2011]. Путем сведения воедино различных составляющих книжной культуры, долгое время разделенных по национальному или конфессиональному принципу, был собран разноязычный, многокультурный и поликонфессиональный корпус книг ВКЛ, позволивший по-новому рассмотреть аспект социального назначения книги. Это позволило установить, в каких слоях населения ВКЛ книга как явление была воспринята и утвердилась, а также выяснить, какие основные способы функционирования книги адаптировались и получили распространение [Sicėnienė 2010]. Однако вопрос о том, как люди понимали и воспринимали книгу, до сих пор остается открытым.

Цель статьи — проанализировать эволюцию представления о книге и ее общественной рецепции в ВКЛ. Для этого нужно установить, каким образом в обществе проявлялась рецепция книги, как это отражалось в источниках того времени. Временные рамки исследования — начало XIV в.—1569 г. Географическое пространство — хронологически меняющаяся территория ВКЛ.

Для изучения эволюции рецепции книги и представления о ней как общественном явлении были использованы три группы источников. Первая — это сами кодексы и их фрагменты (280 экземпляров), отдельные элементы книг (колофоны, провененции или маргинальные записи). Изучались кодексы как церковного (различных конфессий), так и светского содержания на церковнославянском, русском и латинском языках, созданные и функционировавшие в ВКЛ. Вторую группу источ-

ников исследования составили документы (книги счетов, тестаменты-завещания, инвентари имущества, различные реестры), на основе которых были получены данные о книгах, находившихся в собственности частных лиц и в собраниях различных институций, о функционировании кодексов, о восприятии книги и способах ее описания в источниках того времени. В третью группу источников вошли произведения искусства, созданные в течение изучаемого периода.

С целью сбора максимального объема информации исследование проводилось путем сочетания нескольких методов: источниковедческого, аналитическо-синтетического, библиографического, описательного и просопографического. Основным критерием отбора данных стало тем или иным образом зафиксированное взаимоотношение человека с рукописной книгой. Использование всех упомянутых методов исследования создает возможности для интерпретации накопленного массива разрозненных данных, а также для формулировки более общих выводов о рецепции рукописной книги обществом ВКЛ. При оценке фактов и явлений делалась установка на историчность. Разумеется, количество и качество накопленных данных позволяет делать лишь предварительные выводы.

Общественная рецепция книги. Сосуществование разных культурных традиций в ВКЛ, на стыке восточной и западной цивилизаций, стимулировало их взаимодействие, создавало благоприятные условия для формирования собственной культурной, научной и религиозной политики. С середины XV в. в ВКЛ сложились благоприятные условия для распространения и функционирования рукописной книги, сформировалась *ранняя книжная общественность* [Cicėnienė 2009; 2010]. В данном исследовании это понятие охватывает как различную социальную среду (напр., двор правителя, церковных иерархов, магнатов, горожан и др.), так и отдельных лиц, так или иначе участвовавших в коммуникационном цикле рукописной книги. В настоящее время собраны данные более чем о 200 личностях, в окружении которых функционировала рукописная книга. В их число входили правители, магнаты, священники и должностные лица различного ранга, дворяне, горожане, студенты.

Смена столетий знаменовала заметные социальные перемены в ранней книжной общественности: если в XIV в. книга функционировала только в великокняжеском окружении, в среде удельных князей и церковных иерархов, то с середины XV в. она вошла в жизнь магнатов, священников и студентов, а с XVI в. уже получила распространение среди дворян и горожан. В зависимости от основных способов функционирования книги всех этих людей можно разделить на заказчиков, дари-

телей, владельцев и книжных мастеров [Cicèniènè 2010]. На основании немногочисленных сохранившихся записей на книгах можно судить об изменениях в социальном положении переписчиков — священников и мирян, а также о том, как распределялся между ними репертуар переписываемых книг.

Оба процесса были предопределены изменениями в отношении общества к книге. Самые ранние записи свидетельствуют о том, что чаще всего заказывались, переписывались и дарились книги духовного назначения. Такие книги, причисляемые как к сакральной (евангелия, псалтыри, тексты Ветхого Завета), так и к литургической и паралитургической литературе (разнообразные книги гимнов, минеи, прологи и др.), переписывались только священниками. В середине XV в. увеличились потребности общества в книгах, и писцов-священников стало явно недостаточно. В это время произведения церковной литературы (книги проповедей, патристические сборники, минеи) уже переписывались как священниками, так и мирянами. Светскую литературу (судебники, научные книги) переписывали писцы из мирян. Исключением могут считаться только летописи, составленные в канцелярии смоленского епископа.

Переписчики книг происходили из разных регионов ВКЛ, Московской Руси и Польши, однако в зависимости от места работы или места жительства своего заказчика они мигрировали. В конце XV—середина XVI вв. сформировались центры переписки книг — в монастырях, церковных институциях (митрополия, капитул), великокняжеской канцелярии, а также канцеляриях крупных магнатов. В течение обсуждаемого периода расширялась география заказов на книги, увеличивалось разнообразие их репертуара и число экземпляров. С конца XV в. книги стали заказываться также для личного пользования, люди начали дарить их друг другу, собирать в своих поместьях. Можно с уверенностью говорить о частных книжных собраниях, существовавших на переломе XV—XVI вв. и состоявших как из рукописных, так и печатных разноязычных книг разнообразного репертуара [Ročka 2002], которые владельцы стали помечать особыми печатями собственности — экслибрисами. Несмотря на утрату сакрального значения, книги имели высокую ценность, ими очень дорожили. В обсуждаемый период, с XIV в. по вторую половину XVI в., менялся общественный взгляд на книгу. Взаимоотношение с книгой стало более разнообразным: с XIV в. для одних людей кодекс служил рабочим средством, для других был символом особого статуса или определенной моды, а для третьих — духовной потребностью, выражающейся в творчестве.

С конца XIV—начала XV вв. можно говорить о появлении в ВКЛ первых творцов словесности. Так, митрополит Киприан был автором множества писем, проповедей, новой редакции Жития киевского митрополита Петра и т. д.; митрополиту Григорию Цамблаку принадлежат жития святых, похвальные слова, службы; митрополит Исидор писал теологические трактаты, комментарии к Евангелию от Луки и под. Произведения этих авторов сохранились в рукописных книгах¹. В 1460 и 1462 гг. киевский монах Кассиан подготовил две новые редакции “Киево-Печерского патерика”, а около 1483 г. бернардинец отец Станислав представил виленскому капитулу составленное им “Житие св. Станислава” [Kantak 1933, 170–171].

Текстологические исследования отдельных кодексов начала XVI в. показывают, что в ВКЛ составлялись новые редакции сборников, применялись новые принципы компиляции. По утверждению М. Чистяковой, “Измарagd”² начала XVI в. был переработан в окружении митрополита Иосифа Солтана: в книгу были добавлены новые произведения, заимствованные из разных источников, все тексты сборника заново перегруппированы — по авторам [Чистякова 2008a]. Однако, судя по древнейшему (супрасльскому) списку данной редакции, внутренняя структура книги осталась прежней: подборка произведений одного автора рассматривалась как отдельная книга (часть кодекса), в которую было включено содержание, состоящее из перечня заглавий входящих в нее произведений, а также чистые листы, выполняющие роль разделителей между отдельными книгами (частями кодекса). Почти десятилетием позже появляются полемические и панегирические тексты, написанные А. Гаштольдом и в его окружении. В начале XVI в. особо заметно влияние западноевропейской культуры. Так, с распространением Реформации на территории ВКЛ появились новые сборники полемических произведений “против латинян”³, своим содержанием отражающие события того времени. Еще одно явление, характерное также для Западной Европы — это переписка печатных книг. Только в библиотеках Польши хранятся по меньшей мере три списка “Апостола” [Naumow, Kaszlej 2004, 29, 33, 42], напечатанного Франциском Скориной в Вильне в 1522 г. Некоторые списки скопированы буквально, в то время как другие отредактированы.

С середины XV в. книги не только переписывались, но и переводились с латинского, польского, чешского, греческого языков [Турилов 2007; Темчин 2009, 64–65]. В списке третьей четверти XVI в. представлен составленный еще во второй половине XV в. кириллический учебник древнееврейского языка [Темчин 2012], свидетельствующий об интересе в Великом княжестве Литовском к другим языкам.

В упомянутый период книги выполняли разнообразные общественные функции. Одна из главнейших — сохранение памяти. Записи о церковных вкладах правителей, магнатов, священников и дворян чаще всего делались на списках Евангелия и Псалтыри. Позже такие записи находили практическое применение: на их основании разрешались тяжбы [РИБ, 750–752]. С вышеназванной функцией связано также то, что в кодексах стали записывать различные дополнительные сведения, необходимые в повседневной деятельности, а также важную бытовую и личную информацию. Самый яркий тому пример — “Молитвенник” Сигизмунда I, на полях которого записаны даты важнейших событий истории семьи: смерти матери королевы Боны — Изабеллы Арагонской, рождения дочерей Анны и Екатерины; зафиксирована бытовая информация: рецепт лекарства, знаки зодиака членов семьи и др. [Borkowska 1999, 97–98, 309–311].

Записи различного содержания на полях книжных листов и внутренних сторонах переплетов свидетельствуют о том, что книги действительно читались. Авторы таких записей советуют бережно относиться к книгам [Щапов 1976, т. 2, 111], читать их⁴. Иногда читатели кратко комментируют основной текст (например, читатель “Хронографа” поясняет, что слово *mediteranio* по-славянски значит “средиземье”⁵, а в “Скитском Патерике” делится впечатлением: “чудо страшное”⁶). Сохранившиеся маргиналии свидетельствуют о читательском багаже знаний и умении сопоставлять сведения, например, по истории христианства: в “Минее четъей” (начало XVI в.) представлено Пространное житие св. Кирилла Философа, проповедовавшего христианские истины славянским народам, а на нижнем поле приписана заметка о миссии св. Адальберта (епископа Войтеха)⁷, заимствованная из “Сказания о русской грамоте”, древнерусского произведения XII в. [Живов 2002, 116–169]*. Другие маргиналии показывают, что читатели хорошо знали содержание книг: в них указывается, где найти нужный текст, скольких строк недостает и т.п.⁸ Лица, которые переписывали, читали и комментировали книги, владели не одним языком, о чем тоже свидетельствуют сохранившиеся тексты и записи [Subačius, Leńczuk, Wydra 2010; Верхоланцева 2009].

В сборниках XVI в.⁹ встречаются канонические списки “истинных” и “ложных” книг. Неподходящие, отреченные книги в тех же списках приказывается сжигать¹⁰. Записи о происхождении и принадлежности рукописей позволяют установить, что кодексы, вложенные в храмы “на-

* Благодарю проф. С. Темчина за ценное замечание.

вечно, на все времена”, все же меняли владельцев, перемещались в пространстве. К сожалению, в источниках не указаны причины таких перемещений, а лишь зафиксированы факты нового дарения и принадлежности. Можно предположить, что одной из причин странствий кодексов было незаконное изъятие книг из храмов. Об этом говорят сохранившиеся в колофонах и вкладных записях проклятия и угрозы Божьим судом в адрес тех, кто заберет книгу из церкви¹¹.

Распространение книжной культуры в ВКЛ осуществлялось разными способами и в неодинаковом масштабе, удовлетворяло различные потребности. Последние можно условно разделить на связанные со служебной деятельностью; выражающие общественные устремления; отражающие личное взаимоотношение с книгой. Несомненно, эти потребности тесно переплетались, проявлялись одновременно и удовлетворяли разные интересы. То обстоятельство, что уже с XIV в. правители ВКЛ дарили книги покровительствуемой ими Церкви, отражает стремление к общественному статусу, но при этом для лиц духовного звания книги являлись неотъемлемой частью их непосредственной деятельности. Все это формировало в обществе осознание ценности книги. Примеру правителей следовали магнаты, которые, возводя костелы и церкви или основывая монастыри, обеспечивали их не только литургическими предметами, но и книгами. Подобным же образом поступали и священники, делая вклады в новые храмы. Служебное и личное отношение к книге иллюстрируют заказы на переписку книг, поступающие от священников в костелы и монастырские библиотеки, а также существование должностей писарей и библиотекарей в монастырях, при кафедральных и других соборах. О возрастании понимания важности книжной культуры свидетельствует и появление в конце XV в. более подробных инвентарных перечней книг, находящихся в чьей-либо собственности. Самый яркий пример служебно-личного отношения к книге — это составленный архимандритом Супрасльского монастыря Сергием Кимбаром самый ранний из известных нам каталогов книг в ВКЛ [Николай (Далматов) 1892, 52–61], фиксирующий такие характеристики, как величина и репертуар книжного собрания, изменения в нем, способы приобретения книг: появление этого каталога говорит о сформировавшемся понимании того, что сведения такого рода необходимо записывать. Каталог свидетельствует не только о способности архимандрита выполнить задуманную инвентаризацию, но и о том, что за время правления С. Кимбара библиотека увеличилась больше чем на 70 книг, некоторые из которых были переписаны в стенах монастыря.

С середины XV в. служебно-личное отношение к книге развивается также у мирян, и она начинает широко использоваться в науке, образо-

вании и других сферах служебной и общественной деятельности: переписываются юридические произведения (“Первый Литовский Статут”), горожане поддерживают издательскую деятельность Ф. Скорины и т.д. С начала XVI в. известны торговцы книгами (Герард и Генрих Шлягеры [Antanavičius, Petrauskas 2007, 127], “литовец Вайткус”, “купец из Вильнюса” Гаврилий [Laucevičius 1976, 12, 14]). К личному отношению может быть отнесено собирание книг в частных библиотеках, заказы молитвенников для личного пользования, а также уже упомянутое дарение книг Церкви обоих — католического и православного — вероисповеданий. С XIV в. стремление к сохранению памяти (о себе, семье, родственниках), набожности, а с середины XV в. также к престижу, социальному статусу стало основной общественной мотивацией при дарении рукописных книг или заказе на их переписку в ВКЛ. Иерархи обеих Церквей, преследуя церковно-политические цели, поощряли создание новых, необходимых для их деятельности произведений, переводов (напр., католических молитв на руську мову), а также переписку текстов. Появление личных и общественных устремлений такого рода с конца XIV в. позволяет говорить о появлении меценатства в ВКЛ.

Книга в это время уже не просто функционировала в обществе, но и стала предметом изображения в произведениях искусства. На данном этапе изучения рукописной книги ВКЛ самым ранним иконографическим изображением книги можно считать каменную иконку начала–середины XIV в., найденную на территории великокняжеского замка в Вильнюсе. На иконке изображены трое святых, один из них — с книгой [Avižinis, Dolinskas, Striškienė 2010, 196]. По мнению некоторых исследователей, это св. Николай. В православной традиции он часто изображается на иконах со Священным Писанием в руках. На этой иконе книга украшена врезанным крестом (что обозначает Священное Писание), можно усмотреть и омофор — элемент епископского литургического одеяния, знак духовного и церковного статуса.

С начала XV в. в искусстве ВКЛ книги стали изображаться чаще. Еще один ранний пример — это церковная картина с сюжетом Успения, на которой изображены двое св. апостолов с кодексами в руках [Высоцкая 2007, № 9]. Однако чаще всего изображения книги появлялись на миниатюрах. Например, в “Апостоле”¹² конца XV в. встречается не одно ее изображение в различных формах: в одном эпизоде многоплановой миниатюры св. Петр объясняет, читает со свитка, а в другом — люди читают и обсуждают тот же свиток, в третьем эпизоде — люди в храме слушают чтение Евангелия (кодекса). Этот цикл миниатюр показывает, что уже в то время иллюминаторы, работавшие в ВКЛ, не только знали каноны, но и осознавали историческое развитие формы

книги — от свитка к кодексу. На миниатюрах, помещенных в молитвенниках начала XVI в., книга также изображается не раз: ее пишет св. Иероним [Ameisenowa 1967, ил. 1, 40, 51, 53; Borkowska 1999, 293], держит в руках св. Николай, читают св. Дева Мария и св. Екатерина. Книга становится также элементом скульптуры: вырезанный из дерева в первой четверти XVI в. св. Иоанн Евангелист прижимает обеими руками к груди книгу с темным переплетом и одной застежкой [Matušakaitė 2007, 63–64]. Книги стали изображаться в живописи более детально: например, в раскрытой книге, которую держит в руках Христос Пантократор, видны не только строки написанного уставом текста, но и нарисованный красной краской богато орнаментированный инициал [Высоцкая 2007, № 16].

С начала XVI в. можно говорить еще об одном явлении в истории книги и искусства: на книжных миниатюрах начали изображаться реальные лица — великие князья Владислав, Александр, Сигизмунд I, его жена Бона Сфорца, магнат Альбрехт Гаштольд. В то это же время стали увековечивать реальных людей с книгой в руках: работавший в Кракове итальянец Джованни Мария Падовано Моска в 1553 г. создал надгробие князю Павлу Ольшанскому, а в 1558 г. — Валериану Протасевичу [Matušakaitė 2009, 52–59]. В это время книга уже стала одним из иконографических атрибутов епископа, по которому общественность могла опознать изображаемое лицо. Таким образом, книга стала считаться частью жизни не только святых, но и реально живущих священников и мирян. О более глубоком проникновении книги в общественную жизнь свидетельствуют упоминания о ней в источниках того времени.

Образ книги в источниках. Сохранившиеся церковные и монастырские инвентари¹³ конца XIV–середины XVI вв., списки имущества частных лиц¹⁴, книжный каталог, составленный в 1557 г. [Николай (Далматов) 1892, 52–61], отдельные упоминания о книгах в различных текстах того времени позволяют установить не только репертуар находившихся в чьем-либо владении книг и определить широкий спектр интересов собиравших книги людей. Информация о книгах, содержащаяся в инвентарях, реестрах и каталоге, дает возможность выявить представление грамотной общественности о книге и ее авторе, а также исследовать, какие именно признаки книги и ее составных элементов считались необходимыми для идентификации кодекса. Это было особенно важным в тех случаях, когда в одном месте хранилось сразу несколько экземпляров книги с одним и тем же заглавием. Этот вопрос затронул в своем исследовании историк литературы Кястутис Гудмантас [Gudmantas 2003]. Он обратил внимание на то, что в начале XVI в. даже

в пределах одной и той же книжной описи ее составители не придерживались единого порядка описания книг: в одних случаях раскрывалось их содержание, в других приводилось сокращенное заглавие на языке оригинала либо в переводе.

Давать книгам точные заглавия не было принято. Очень часто в инвентарных описях имущества они называются “libellus, codex, liber”, потому что трактуются просто как дорогие материальные предметы, хранящиеся вместе с иными ценностями. Другой известный способ обозначения, встречающийся в документах разного времени — это обобщающее название: “missale”; “liber statutorum”; “liber passionis”; “oracionale”; “sermones de tempore”; “sermones de sanctis”; “Antyffonarz”; “Lombastука”; “Евангелие”; “Апостол”; “Псалтырь” и т. п. Однако в середине XV в., в условиях быстрого роста числа экземпляров и расширения книжного репертуара, в источниках встречаются как старые (иногда более детальные), так и новые, вскоре ставшие стандартными, названия. Книге зачастую дается краткое название, например, “Златоуст и Оустав”; “Псалтира со следованьем”; “Октоих”; “книга Пророчества”; “книги физиономей”; “книги макнус олбертус”; “De proprietatibus rerum”, или прибавляется фраза “так называемый” — “рекомыи Златоуст”; “Книга зовомая Приточник”; “нарицаемая Минея месяца июля”. На деле эти названия представляют собой сокращения инципитов книг. Только в очень редких случаях первая строка указывалась целиком в качестве инципита, который в таком случае становился заглавием, например: “Historia de gestis et trina trium regum translatione”. Если кодекс представлял собой сборник, в описях он чаще всего обозначался лишь общим стандартным названием, но при этом в основной рубрике рядом записывалось также заглавие первого произведения в сборнике: “Книга глаголемая Измарагд с Богом починаем. Иж во святых отца нашего Иона Златоустаго”¹⁵. Если кодекс был конволютом, то в перечнях могло указываться несколько названий, например: “книга Шестодневник Иоанна Антиоха, и в ней же написано Козма Индикаплов; а у в одном сборнику книга Асаф и хождение Данилово”. Однако, строго говоря, подобные описания не позволяют четко разграничить конволюты и обычные сборники.

В течение обсуждаемого периода автор понимался и обозначался двояко. Если в литовских летописях, Литовских Статутах, разнообразных списках авторские данные отсутствуют, то в сочинениях церковных авторитетов авторы указываются почти всегда. Самыми ранними данными об авторстве считаются миниатюры с изображением царя Давида (в списках Псалтыри) и св. апостолов перед каждым Евангелием.

Поскольку в течение всего Средневековья понятия книги и произведения были тождественными, автор, начиная с евангелистов, указывался в начальной рубрике-incipite вместе с заглавием книги или просто в рубрике, открывающей текст (если это сборник нескольких произведений) — тем более, что чаще всего это были учения Отцов Церкви либо проповеди святых. Таким же образом записывалась информация (если она была доступна) о переводчиках и дате выполнения перевода. Например, на нижнем поле книги, переписанной в середине XVI в., писец приписал заметку о переводчике произведения (она известна во многих списках, происходящих не только с земель ВКЛ), начинающегося на той же странице: “В лето 1385 переведено бысть сие слово святого и премудрого Георгия Писида от греческих книгъ на рускый языкъ Дмитрием Зографомъ”¹⁶. Иногда записи прежних писцов о переводе впоследствии становились рубриками. Примером тому могут служить списки “Хронографа”¹⁷ с рубрикой: “Книгы Завета Божия Ветхаго сказующе образы Новаго Завета истину соущу, преложенья от греческаго языка в словенский, при князи болгарстем Симеоне сыне Бориши Григорием презвитером и мнихом всех церковник болгарскихъ церквии, повелением того книголюбца князя Семиона истинне ж рещи боголюбца”¹⁸. Еще одним примером понимания роли автора на рубеже XV–XVI вв. можно считать вышеупомянутую новую редакцию “Измарагда”, составленную по монографическому принципу, а именно — по авторам. Однако нарочитое подчеркивание авторства началось лишь с началом книгопечатания и утверждением монографического принципа (один автор и его произведения в едином кодексе).

С изменением церковных уставов и обрядов стало важным указывать, старой или новой традиции принадлежит книга: “vetus”, “antiquum”, “povorum”, “старый”. Названия “Минея новых светыхъ” или “Соборничокъ новыхъ светыхъ” обозначают минеи или другие сборники текстов, посвященных новоканонизированным святым.

Поскольку с конца XV в. книги вносились в описи наподобие других инвентарных предметов, описанию подлежали определенные физические признаки книги или иные ее черты. Один из наиболее часто указываемых признаков — размер книги, который описывался как специальными обозначениями формата: “maiores”, “minors”, “в четверку”, “в полдестъ”, “в дестъ” и т. п., так и с помощью уменьшительной формы существительного: “libelli”, “книжка”. В связи с постепенной сменой используемого для книг писчего материала в инвентарных описях появились указания на него. Например, в XVI в. важным признаком стало то обстоятельство, что книга написана не на бумаге, а на пергаменте

как на более дорогом материале: “паркаменовый”; “книга на папери писана” и т. п. Очень часто упоминали переплет, особенно если он был декоративным: из бархата и драгоценных металлов, с украшением из драгоценных камней, напр.: “axamento flaveo et argento deaurato reformatum”; “axamento rubeo reformatum”; “синим оксамитом крыто”; “сребром оправеное с позолотою”; “пукли серебрянные” и т. п. С появлением печатных книг стали указывать на рукописный характер книги: “scribere et notare pergamento”; “kxiązek pisanych”; “книги розные писаные”; “новописанная, а другая битая” (печатная).

Важным признаком считалась декоративная иллюминация: “сия книга у заставе [...] за золот”; “auro illuminatum”, златопись: “scriptus sine auro”, “золотом писана”. Если один сборник содержал книги на иных языках, это обстоятельство также указывалось: “libelli in Ruthenico scriptus”; “греческихъ книгъ”. С начала XVI в. стали обращать внимание на историю функционирования экземпляра. Составители реестров и каталогов считали нужным отмечать, кто и где приобрел книгу, кто именно подарил тот или иной экземпляр, например: “книга [...] от Сопеги”; “ктитора митрополита Солтана наданья [...]”; “у Петрикове купил”. В некоторых случаях фиксировалась история особенно важной книги: “да упросил есми у господаря пана его милости славное памяти евангелие, коим его м[илость] даровал нынешний митрополить [...]”. Стали упоминать также историю написания или украшения книги: (“новописанная”; “новоокованное”), а также данные о том, с какого источника книга была переписана: “книга Временникъ изъ Константинова временника выписанъ”.

С увеличением числа экземпляров книгам стали давать обобщающее обозначение при помощи собирательного числительного (“libeli sine argento decem”; “книгъ великих в дестъ соборников 4”), причем прилагались усилия, чтобы подчеркнуть своеобразие отдельных экземпляров, выделяя присущие им признаки содержания, объема или способа использования книги. Например: “4 прологи а в каждом по 3 месяцы. А у пятом пролозе 6 месяцев. А в шестом и в седмом – целый год”. Таким образом, указывалась также полнота книжного комплекта. Иногда при описании кодекса отмечалось место и время его использования: “Псалтыря, по которой в церкви говорить” — книга, применяемая в богослужении; “Псалтыря великая келейная” — книга, предназначенная для монашеского использования в келье, или “книжка в которой Богородицы каноны, что поются на павечерницах, книжка, по которой кажут всенощное”. Книга могла быть описана на основании календарного периода, в течение которого она использовалась в литургии: “Книга в

которой писаны слова на сорок и пятидесятницу”; “Златоуст постный от мытаря и фарисея и до всех святых”; т. е. с какого по какой срок или в какие именно месяцы полагалось читать книгу. Иногда с целью различения отдельных экземпляров книги с одним и тем же заглавием при их описании использовались разные признаки. Вот, например, как их различал С. Кимбар: “апостолов 3, а четвертый битый, а пятый латинский”.

Зачастую книгам давали очень неоднозначные описания, например: “книги на паркамени сербского языка, другие книги рикарския писаныя”. Поэтому при составлении книжных реестров были важны также личные способности писца. К. Гудмантас отмечает, что переписывавшие латинские книги писцы допустили немало ошибок, стараясь записать кириллицей автора и заглавие той или иной книги [Gudmantas 2003]. С другой стороны, обращает на себя внимание способность составителей реестров или каталога крупных собраний использовать в качестве критериев описания различные признаки книг. Например, при составлении реестра книг А. Гаштольда был применен не конфессиональный, а языковой принцип: книги разделены на русские, латинские и чешские. Последние были включены в реестр в порядке хронологии приобретения. Этот принцип был частично применен уже в 1494 г. при составлении инвентарного списка имущества Слуцкого монастыря св. Троицы, передаваемого архимандритом Иосифом Булгариновичем. Здесь книги упоминаются в двух местах, причем во втором из них указываются книги, приобретенные до начала его игуменства (“А мне достался монастырь с тым [...]”). Сергей Кимбар в каталоге библиотеки Супрасльского монастыря сначала указал экземпляры Священного Писания, ежедневно используемые при богослужении (“Евангелие на престольное”; это также были наиболее богато иллюминированные книги). Для классификации остальных книг он применил критерий их приобретения: сначала были указаны кодексы, приобретенные во время настоятельства прежних игуменов, а затем — уже при самом архимандрите С. Кимбаре. В обеих последних подгруппах книги упорядочивались по названиям. Описание отдельных экземпляров в каталоге проводилось на основании почти всех ранее упомянутых нами признаков.

Проанализировав описания книг в источниках обсуждаемого периода, можно утверждать, что в среде грамотных людей менялось как представление о книге, так и даваемое ей определение. На этот процесс повлияло увеличение книжного репертуара и появление печатной книги. Если в конце XV в. кодексу давалось название по единичным признакам (ветхость/новизна, формат), то с начала XVI в. появилась

необходимость распределять книги по группам, одновременно выделяя физические и содержательные признаки книг. Можно утверждать, что уже со середины XVI в. сформировался прототип библиографического описания, состоявший из указания на авторство, название, описания физических свойств: писчего материала книги, метода ее выполнения, формата, способа украшения, признаков переплета — а также истории хранения и приобретения. Составители реестров подобным же образом описывали многоязычные сборники.

Выводы. Сложившиеся профессиональные, информационные и культурные потребности, сосуществование и взаимодействие разных культурных традиций способствовало быстрому распространению рукописной книги в обществе ВКЛ. С рубежа XV–XVI вв. можно говорить не только о сложившейся церковной и светской среде переписки книг, но и о сформировавшейся социокультурной среде функционирования книги, т.е. группе лиц, занимавшейся интеллектуальным трудом, имевшей культурные потребности и ставшей основным пользователем все более многочисленных книг на разных языках, инициатором письменной деятельности, меценатом и коллективным творцом. Книга удовлетворяла служебные, общественные и личные потребности членов общества того времени. С увеличением числа экземпляров и собраний, с повышением разнообразия взаимоотношений человека с книгой в обществе ВКЛ изменялось и само представление о книге. Если на раннем этапе изучаемого периода кодекс понимался как статичный, сакральный, целостный объект, мало подверженный человеческому влиянию, то уже с XV в. можно говорить о книге как о мобильном, меняющемся объекте, зависимом от непосредственно связанного с ней человека. Книжки мигрировали в географическом и жизненном пространстве, их функционирование приобрело временное измерение. Они не только перемещались вместе с человеком с места на место, но и постоянно использовались. Из коробок для хранения книги перемещались на полки создаваемых библиотек. Как отдельные книги, так и их коллекции стали передаваться по наследству из поколения в поколение. Мобильной стала и структура самой книги: если на раннем этапе при переписке кодексов прилагались усилия к точному воспроизведению оригинала, то позднее появилась практика группировать переписываемые произведения в конволюты по их тематике и назначению.

Меняющееся представление о книге отразилось в источниках того времени. В начале XV в. книга описывалась лишь кратким названием, обобщающим суть содержания. Еще в конце XV в. она определялась как предмет — в реестрах указывались лишь физические ее признаки.

В середине XVI в. грамотные люди ВКЛ уже использовали прототип библиографического описания, в котором фиксировались различные признаки книги. В начале XVI в. изменилось понятие целостности книги. Представление о кодексе как о единице, физически объединяющей отдельные произведения (книги), сменило понятие кодекса как единого целого (нового произведения), имеющего общие внутренние и внешние признаки. Так что если в первоначальный период понятие *книга* касалось только содержания, то с начала XVI в. это понятие уже охватывало как содержание, так и физическую форму, совпав с понятием *кодекс*. С того же времени распространение рукописной и печатной книги закрепило потребности общества в научной мысли и информации. Были созданы богатые письменные ресурсы, подготовлена интеллектуальная и материальная основа для функционирования рукописной книги и укрепления ее роли. Рецепция культуры рукописной книги создала условия для динамического развития книгопечатания в ВКЛ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Например, Миняя четья, декабрь–февраль, БВЛАН ОР, Ф. 19–80.
- ² Измарагд, БВЛАН ОР, Ф. 19–240.
- ³ Сборник полемический противолатинский, 1546 г., БРАН ОР, собр. П. Доброхотова, № 31.
- ⁴ Миняя служебная, сентябрь, БВЛАН ОР, Ф. 19–142, л. 7v.
- ⁵ Хронограф, БВЛАН ОР, Ф. 19–109.
- ⁶ БВЛАН ОР, Ф. 19–88, л. 7г.
- ⁷ Миняя четья, БВЛАН ОР, Ф. 19–80, л. 505v.
- ⁸ Архивский хронограф, РГАДА, Ф. 181, № 279, л. 28г, 135v, 150v; 165v, 166г.
- ⁹ Измарагд, БВЛАН ОР, Ф. 19–240, лл. 243г–246v; Сборник, НБП ВОЗ 86, л. 11–14. Текст опубликован: [Щапов 1976, т. 2, 135–137].
- ¹⁰ Маргарит, БВЛАН ОР, Ф. 19–251, л. 327v.; Сборник НБП ВОЗ 86 [Щапов 1976, т. 2, 135–137].
- ¹¹ Злагоуст, НБП ВОЗ 84 [Щапов 1976, т. 2, 30–31].
- ¹² РНБ ОР, Ф. 1.60.
- ¹³ Инвентарь монастыря в Луцке, 1429 г. [АЗР, 47]; Инвентарь монастыря Св. Троицы в Слуцке, 1494 г. [АЗР, 136–137]; Инвентарь монастырских церквей в Слуцке [Ф. 21–1420]; Инвентарь церкви в Купятичах (Пинск) [Ф. 16–202]; Инвентарь костела в Рокишкис, 1563 г., [IA, 675–680].
- ¹⁴ Тестамент виленского епископа Андруса, 1398 г. [KDКD, 56, 58]; Тестамент ксендза Матвея в Мядининкай, 1490 г. [CMS, 124–125]; Инвентарь казны польского короля и великого князя литовского Александра, 1506 г. [ААКР, 540–546]; Реестр казны Александра Александровича Солтана, до 1495 г. [РИБ, 871–877]; Список книг, принадлежавших Альбертасу Гаштольдзу, 1510 г. [Gudmantas 2003]; Инвентарь имущества Константина Острожского, после 1530 г. [Ф.16–7].

¹⁵ Измарагд, БВЛАН ОР, Ф. 19–240.

¹⁶ Слова св. Василия Великого о постничестве, БВЛАН ОР, Ф. 19–53, л. 294v.

¹⁷ В списке Виленского хронографа, БВЛАН ОР, Ф. 19–109.

¹⁸ Там же.

СОКРАЩЕНИЯ

БВЛАН ОР	— Библиотека им. Врублевских Литовской академии наук, Отдел рукописей
ББУ ОР	— Библиотека Вильнюсского университета, Отдел рукописей
БРАН ОР	— Библиотека Российской академии наук, Отдел рукописей
ГИАЛ	— Государственный исторический архив Литвы
НБП	— Национальная библиотека Польши
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РНБ ОР	— Российская национальная библиотека, Отдел рукописей

Источники

- ААКР = Papeé F. (wyd.), 1927: *Acta Alexandri Regis Poloniae, Magni ducis Lithuaniae etc. (1501–1506) = Akta Aleksandra króla Polskiego, Wielkiego Księcia Litewskiego i t. d. (1501–1506)*. Kraków.
- CMS = Jatulis P. (coll.), 1984: *Codex Mednicensis seu Samogitiae Dioecesis*, ps. 1: (1416.II.13–1609.IV.2). Roma.
- IA = Jablonskis K., 1934: *Istorijos archyvas*, t. 1: XVI a. Lietuvos inventoriai. Kaunas.
- KDKD = Fijałek J., Semkowicz W. (wyd.), 1932: *Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej (1387–1507)*, t. 1. Kraków.
- Ф. 43–3231 = *Regestrum perceptorum pecuniae...*: [Vilniaus kapitulos pajamų ir išlaidų registras]. 1569–1570. БВЛАН ОР, Ф. 43–3231. 15 л.
- АЗР = *Акты, относящиеся къ исторіи Западной Россіи*, т. 1: 1340–1506. Санкт-Петербург. 1846.
- Ф. 16–202 = *Къ ведомости [...] Григорью Войне старосте Ровеньскому [...] што речей церьковныхъ поданьней [...]*. [ок. 1569 г.]. БВЛАН ОР, Ф. 16–202, л. 101–104.
- Ф. 21–1420 = *Реестр записания именья монастыря святого славного пророка Илья за розказаньем <...> его милости пана нашего [...] през нас коморника а войта Слуцкого [...]*. 1575 07 26. БВЛАН ОР, Ф. 21–1420. 4 л.
- Ф. 16–4 = *Реестр речей брата моего меньшего Криштофа [Корсака] ведлуг тестаменту справеных [...]*. [ок. 1565 г.]. БВЛАН ОР, Ф. 16–4, л. 22–25.
- Ф. 16–12 = *Реестр списанья именья Ацин его милости пана Филона Кмиты Чорнобыльского старосты Оршанского двора Антоновского и сел к нему належачих [...]*. 1572 12 10. БВЛАН ОР, Ф. 16–12, л. 70–73.
- Ф. 16–7 = *Реестр списанья скарьбу, што мне подано на инвентарь и тым речам расход, што кольвек давал за розказаньем его милости пана [Костентина]*. [около II половины XVI в.]. БВЛАН ОР, Ф. 16–7. 30 л.

РИБ = *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею*, т. 20: Литовская Метрика, т. 1, ч. 2: Книги судных дел. Петербург, 1903.

ЛИТЕРАТУРА

- Верхоланцева Ю., 2009: Чешские и хорватские глаголяши-бенедиктинцы среди православных Литвы и Польши и латинские тексты, записанные кириллицей, in Temčinas S., et al. (red.), *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos*. Vilnius (Bibliotheca Archivi Lithuanici, vol. 7), 81–95.
- Высоцкая Н.Ф. (сост.), 2007: *Сакральная живопись Беларуси XV–XVIII веков = The painting sacred of Belarus XV–XVIII centuries*. Минск.
- Гальченко М.Г., 2003: Записи писцов в датированных древнерусских рукописях XIII–XV вв. (из архива М.Г. Гальченко), *Palaeoslavica: International Journal of the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*, 11. 68–141.
- Живов В.М., 2002: *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*. Москва.
- Запаско Я., 2003: “Доброписці тоді славні були”: (нариси з історії українського рукописного мистецтва). Львів.
- Карский Е.Ф., 1979: *Славянская кирилловская палеография*. Москва.
- Морозова Н.А., 2006: Из истории библиотеки Жировицкого монастыря: жировицкие рукописи в библиотеке Академии наук Литвы, in *Беларуская книга у кантэксце сусветнай кніжнай культуры: зборник кніжнай культуры*, ч. 1. Минск, 80–88.
- Морозова Н.А., Темчин С.Ю., 2005: Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1550–1532 г.г.), in *Z dziejów monasteru Supraskiego: materiały międzynarodowej konferencji naukowej “Supraski monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa”* (Supraśl–Białystok, 10–11 czerwca 2005 r.). Białystok, 117–140.
- Николай (Далматов), 1892: *Супрасльський Благовещенський монастирь: историко-статистическое описание*. Санкт-Петербург.
- Столярова Л.В., 2000: *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков*. Москва.
- Темчин С.Ю., 2006: Схария и Скорина: об источниках Виленского ветхозаветного свода (F19–262), *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 21. 289–316.
- Темчин С.Ю., 2009: Матвей Десятый и составление третьей (литовской) редакции Измарагда, *Slavistica Vilnensis 2005–2009 (Kalbotyra)*, 54 (2). 169–178.
- Темчин С.Ю., 2010а: Роль Матвея Десятого в православной культуре Великого княжества Литовского, in *Latopisy Akademii Supraskiej*, vol. 1: Prawosławni w dziejach Rzeczypospolitej. Białystok, 27–35.
- Темчин С.Ю., 2010b: Рукописи кимбаровского собрания Супрасльского Благовещенского монастыря (1532–1557 г.г.), *Knygotyra*, t. 54. 173–185.

- Темчин С.Ю., 2012: Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.): публикация и общая характеристика памятника, in Meiliūnaitė V., Morozova N. (eds.), *Naujausi kalbų ir kultūrų tyrimai*. Vilnius (Kalbų ir kultūrų sankirtų archyvai, kn. 4), 137–180.
- Турилов А.А., 2007: Переводы с латинского и западнославянских языков, выполненные украинско–белорусскими книжниками (XV–начало XVI в.), in Флоря Б.Н., *Исследования по истории Церкви*. Древнерусское и славянское средневековье. Москва, 468–479.
- Чистякова М.В., 2008a: К вопросу о структуре и источниках 3-ей редакции Измарагда: (на материале списка БАН Литвы, ф. 19, № 240), *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 26. 121–182.
- Чистякова М.В., 2008b: *Текстология Вильнюсских рукописных прологов: сентябрь–ноябрь = Vilniaus rankraštinų sinaksarų tekstologija: rugsėjis–lapkritis*. Вильнюс.
- Чистякова М.В., 2009: Третья (литовская) редакция Измарагда и Изборник Симеона-Святослава, in Темчинас С. et al. (red.), *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir rašytijos tradicijos*. Vilnius (Bibliotheca Archivi Lithuanici, vol. 7), 137–151.
- Чистякова М.В., 2010: Иосиф II Солтан и церковно-литературная деятельность его времени, in *Latopisy Akademii Supraskiej*, vol. 1: Prawosławni w dziejach Rzeczypospolitej. Białystok, 37–48.
- Щапов Я.Н. (сост.), 1976: *Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики*. Москва.
- Ameisenowa Z., 1967: *Cztery polskie rękopisy iluminowane z lat 1524–1528 w zbiorach obcych*. Kraków.
- Antanavičius D., Petrauskas R. (sud.), 2007: *Lietuvos didžiojo kunigaikščio Aleksandro Jogailaičio dvaro sąskaitų knygos (1494–1504)*. Vilnius.
- Avižinis D., Dolinskas V., Striškienė E. (sud.), 2010: *Lietuvos didžiųjų kunigaikščių rūmai Vilniaus žemutinėje pilyje* (= Palace of the Grand Dukes of Lithuania in Vilnius Lower Castle): istorija ir rinkiniai: albumas. Vilnius.
- Borkowska U., 1999: *Królewskie modlitewniki: studium z kultury religijnej epoki Jagiellonów (XV i początek XVI wieku)*. Lublin.
- Cicėnienė R., 2009: Rankraštinė knyga Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV a. pradžioje–XVI a. viduryje: sklaidos ir funkcionavimo sąlygos, *Knygotyra*, t. 53. 7–37.
- Cicėnienė R., 2010: LDK ankstyvoji knygos visuomenė: genezė ir raida (iki XVI a. vidurio), *Knygotyra*, t. 55. 7–25.
- Gudmantas K., 2003: Alberto Goštauto biblioteka ir Lietuvos metraščiai, *Knygotyra*, 41. 9–24.
- Jablonskis K., 1961: 1510 m. Alberto Goštauto biblioteka, *Vilniaus valstybinio V. Kapsuko vardo universiteto bibliotekos metraštis, 1958–1959*. Vilnius, 21–25.
- Kantak K., 1933: *Bernardyni Polscy*, t. 1: 1453–1572. Lwów.
- Laucevičius E., 1976: *XV–XVIII a. knygų įrišimai Lietuvos bibliotekose*. Vilnius.
- Matušakaitė M., 2007: *Lietuvos skulptūra iki XVII a. vidurio*. Vilnius.
- Matušakaitė M., 2009: *Išėjusiems atminti: laidosena ir kapų ženklimas LDK*. Vilnius.

- Naumow A., Kaszlej A. (opr.), 2004: *Rękopisy cerkiewnosłowiańskie w Polsce: katalog*. Kraków.
- Pacevičius A., 2002: Skriptorius ir raštinių kultūra Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje, *Acta Academiae artium Vilnensis*, 24. 25–50.
- Ročka M., 2002: Abraomo Kulviečio bibliotekos pobūdis, in *Rinktiniai raštai*. Vilnius, 85–94.
- Subačius G., Leńczuk M., Wydra W., 2010: Seniausios žinomos lietuviškos glosos (~1520–1530), *Archivum Lithuanicum*, 12. 31–70.
- Temčinas S., 2008: Bažnytinės knygos rusėnų kalba ir religiniai identitetai slaviškose Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos žemėse XIV–XVIII a.: stačiatikių tradicija, in Bumblauskas A., Liekis Š., Potašenko G. (sud.), *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo "dalybos"*. Vilnius, 130–156.
- Temčinas S., 2009: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos rusėniškoji literatūra kaip kultūrinės integracijos modelis, in Bumblauskas A., Potašenko G. (sud.), *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai*. Vilnius, 54–85.
- Temčinas S., 2011: Bažnytinės knygos rusėnų kalba ir religiniai identitetai slaviškose Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės žemėse XIV–XVIII amžiuje: protestantų ir unitų tradicijos, *Lietuvos istorijos studijos*, t. 28, Vilnius, 44–59.

E-mail: ciceniene@mab.lt

Апрель 2013 г.

RIMA CICĖNIENĖ

The reception of the manuscript book in the Grand Duchy of Lithuania in the 14th– mid-16th centuries

The article aims to analyze changes in society's view of the manuscript book and its reception. The author investigates the ways in which society manifested its reception of the book and how it is reflected in the sources of that time. Manuscript books, archival sources, and objects of art were used as the sources for the research. It has been established that the book satisfied official, social, and personal needs of society and individuals of the time. As books and collections became increasingly numerous and the relationship with books diversified, the idea of the book in the GDL's society also underwent a significant change. While during the early stage of the period under study a book was understood as a static and uniform sacral object little influenced by an individual, since the 15th century it was considered to be a mobile, mutable object strongly affected by the persons directly connected with the book. Codices migrated both in the geographical and living space. In the early 16th century, the concept of a book as a unit item also underwent a significant change. The concept of a codex as an object that physically joins separate works (books, liber) was replaced by the idea of a codex as an integral unit (a new work) which possesses both internal and external unifying elements of a book.

I

Acta Slavica Estonica

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
СТАРОВЕРОВ ЭСТОНИИ

III

UNIVERSITY OF TARTU
PRESS